

«Царь Эдип» как пролегомены к Достоевскому

Метафизика греческой трагедии

Существует достаточно устойчивый стереотип, заставляющий исследователей сравнивать мир Достоевского с мифопоэтическим миром греческой трагедии. Эта интуиция не безосновательна. Двигающаяся в данном направлении мысль способна обнаружить на этом пути весьма любопытные вещи.

Некогда, на заре цивилизации греческий театр стал чем-то вроде опытной лаборатории, разрабатывающей разнообразные модели критических ситуаций, в которые может попадать человек переходного времени. Художественное моделирование помогало осмысливать такие проблемы человеческого существования, как порок и преступление, раскаяние и возмездие, закон и судьба и многие другие. При этом сложная, противоречивая и во многом еще таинственная жизнь пробуждающегося от доисторической дремоты человеческого духа обретала очевидные, доступные созерцанию формы.

В трагедиях разворачивались чаще всего два содержательных плана — физический и метафизический. Один из них составлял события, совершающиеся в пределах видимости, — сюжетные коллизии, проживаемые героями физически, эмоционально и интеллектуально. За событийным же всегда ощущалось инобытие высшего мира с его абсолютными первоначалами, и неумолимыми законами и всеведущей судьбой.

Это раздвоение сущего — главный признак метафизики. Здесь нет тонкой, изощренной игры философской мысли, многоступенчатых аргументаций. Это не философская метафизика, а художественная, с мощным присутствием мифа.

Здесь следует особо заметить, что метафизика существует в различных культурных формах, от самых древних, крайне наивных и даже примитивных, до чрезвычайно сложных, предельно рафинированных. Основными среди них выступают мифологическая, религиозная, художественная, этическая и собственно философская, т. е. сугубо теоретическая.

Мир греческой трагедии негармоничен. Бытие представлено в нем как истинная драма, как ожесточенная борьба сил порядка с силами разрушения, хаоса и гибели. От Ф. Ницше берет начало традиция обозначать эти борющиеся силы как аполлоновское и дионисийское начала. Аполлон как олицетворение всего светлого, разумного, упорядоченного и гармонического покровительствовал искусству, морали, закону, государственности. Дионис символизировал темное, хаотическое, безумное, разрушительное первоначало бытия. Если Аполлон был устройтеlem цивилизованного существования, подчиняющим жизнь людей социокультурным нормам, то Дионис покровительствовал виноделию, винопитию, устраивающимся в его честь многодневным празднествам, на время которых отменялись многие из обычных запретов и допускались буйные проявления инстинктов, аффектов и страстей.

Антитеза аполлоновского и дионисийского начала имела глубокий антропологический смысл. В личности древнего грека явно обнаруживались оба противоположных модуса. Аполлоновское, дневное, светоносное начало заставляло его стремиться к гармоничным отношениям с космосом,

социумом, государством и подчинять свое поведение разнообразным социокультурным нормам, стремиться к соблюдению меры и «золотой середины». Дух дионисийства, в свою очередь, проявлялся как негативно ориентированная трансгрессивность, заставляющая нарушать запреты и социальный порядок.

В трагедиях Эсхила, Софокла, Еврипида человек чаще всего оказывался ввергнут в чрезвычайные, экстремальные, предельные по своей остроте и угрожающей ему опасности условия. Наряду с разнообразными авантюрами, путешествиями, военными коллизиями, это часто были ситуации совершения жестоких преступлений и порожденных ими последствий.

Пристрастие крупных драматургов к теме преступления объяснялось во многом ее способностью высвечивать те грани бытия и изображать те свойства человеческой натуры, которые при иных тематических коллизиях было не так легко выявить. Создатели трагедий умели придать напряженной и таинственной жизни человеческого духа, ввергнутого в устрашающий конфликт, такую художественную оформленность, которая не просто впечатляла зрителя, но потрясала его до глубины души.

Греческая трагедия с необычайной выразительностью продемонстрировала то, как человеку, обладающему неукротимым трансгрессивным духом, было крайне трудно удерживаться в пределах требований как патриархально-родового «божественного» номоса, так и в рамках новообразующихся законов положительного права. Часто его действия, отвечающие одним нормам, противоречили другим, а один и тот же поступок оказывался, подобно Янусу, с двумя ликами — законопослушным и преступным. Именно так и случилось с главной героиней трагедии Софокла «Антигона». Выполняя требования древнего, «под-

земного» закона, установленного богами и требующего, чтобы тела погибших родственников были преданы земле, она вынуждена была нарушить указ правителя Фив Креонта, за что и была казнена.

Возникали и иные ситуации, когда человек нарушал одновременно и божественные и человеческие законы. Изображая судьбу тех, кто восставал на мировой и социальный порядок, греческая трагедия, как писал Вольтер, учила не сокрушаться о несчастьях преступников, ибо «несправедливо принимать близко к сердцу несчастья тиранов, предателей, отцеубийц, святотатцев, словом тех, кто преступил все законы справедливости».¹⁷

Герой трагедии — дитя Космоса. Космос же выступает воплощением высшей соразмерности и совершенства, задающим меру всему сущему. Через представления о норме и мере Космос открывает человеку путь к гармониям бытия. Если герой разумен и добродетелен, Космос доводит до его сознания свою волю посредством Логоса, указывающего пути и средства, ведущие к гармоничным отношениям с миром. Но если он неразумен, склонен нарушать меру, законы, обычаи, требования божественного и человеческого космосов, Космос предстает перед ним в облике беспощадно карающего Рока. То есть и Космос для человека двулик: в качестве Логоса он покровительственно взирает на тех, кто сеет раздоры и беспорядок.

Ночная душа Эдипа

В центре греческой трагедии чаще всего находится человек, нарушивший фундаментальные первопринципы аполлоновского номоса и жестоко расплачивающийся за

---

¹⁷ Вольтер. Эстетика. М., 1974. С. 136.

это. Не случайно основная тема многих драм Эсхила, Софокла и Еврипида — преступление и наказание. При этом неизбежность наказания доказывает, что человек, несмотря на свою трансгрессивность, остается подчиненным, страдательным элементом космического целого, находящимся в полной зависимости от него. С предельной отчетливостью это демонстрирует судьба Эдипа, в которой неразрывно переплелись аполлоническая и дионисийная мелодии.

В трагедии Софокла, в сущности, не один, а несколько разных Эдипов. Вначале это чистый, невинный юноша, пытающийся уйти из-под власти страшного пророчества и спасти тех, кого он считал своими родителями, — коринфского царя Полиба и его жену Мeroпу. Но поскольку события разворачиваются в соответствии с иной, не подвластной человеку логикой, то появляется другой Эдип — герой и преступник, спаситель Фив и отцеубийца, славный и достойный преемник опустевшего царского престола и невольный кровосмеситель. Составленный как бы из двух половин, светлой и темной, благородной и преступной, Эдип, тем не менее, длительное время ничего не подозревает и остается в собственных глазах и во мнении окружающих светлым и непорочным.

Третий Эдип появляется на сцене в результате того, что за внешней благопристойностью обнаруживается чудовищная изнанка. Теперь он — жертва жестокого Рока, превратившего достойного человека в мученика, раздавленно-го открывшейся правдой и переживающего страшную нравственную агонию.

Можно, наверное, говорить еще и о четвертом Эдипе — о том, каким он предстал в своих же глазах, т. е. нарушителем всех божественных законов, исчадием зла, черным от скверны преступником, который «порочней всех во всей вселенной».

Суть же трагедии в том, что все эти разные Эдипы столкнулись в пределах одного человеческого «я», которое не нашло в себе сил, чтобы совместить их в единое целое.

Если взглянуть на личность царя-преступника в свете более общих определений, то обнаружится, что Софокл выстроил трагическую ситуацию на основе все тех же главных доминант греческой культуры — дионисийной и аполлоновской. Только здесь они предстали в своих антропоморфных ипостасях — как две души Эдипа — *ночная* и *дневная*.

Ночная, дионисийная душа Эдипа родом из минувшего, из далей и глубин архаического предсуществования. Это, по сути, «растительная душа», как назвал бы ее Аристотель. Бывшая атрибутом естественного человека, она досталась в наследство человеку цивилизованному, обладающему нравственным сознанием. Но от этого она не перестала быть дикой и безрассудной, склонной к разрушительным проявлениям, не ведающей свободной воли и разумного самоопределения. Внутри царящего в ней первозданного мрака и хаоса не различимы ни прошлое, ни будущее. Даже настоящее, в которое она погружена, не воспринимается ею в качестве такового, ибо она пребывает на том уровне существования, где подобные разграничения еще не возникли. Шевелящийся внутри нее хаос вбирает в себя стихии хроноса, номоса, логоса, этоса, разрывает, перемалывает и поглощает все, что остается от них. Погружаясь в ее метафизическое чрево, разорванные связи мира сущего и мира должного утрачивают всякий призрачный законсообразности, естественной каузальности и осмысленности.

Когда на человека нисходит сон, господство ночной души становится безмерным. Пользуясь своей властью, она в первую очередь уничтожает время, внутри которого

привыкла существовать дневная душа. То есть по своей природе ночная душа — истинный хронофаг, живущий своей особой, сумеречной жизнью внутри человеческого существа и господствующий над ним с заката до рассвета.

В силу естественного происхождения ночная душа бесхитростна в своих проявлениях от начала до конца. Она не притворяется и не лжет. Ей чужд театрализованный мир условностей, подчиняющий себе дневную душу. Она не приемлет цветистых декораций, которыми дневная душа пытается отгородиться от жестоких истин бытия.

Именно ночная душа, чуждая понятиям добра и справедливости, не имеющая представлений ни о непрекаемых запретах, ни о требующих почитания святынях, превращает Эдипа в злейшего врага своих родителей. Она делает невольного отцеубийцу и кровосмесителя связующим звеном между уже существовавшим до него злом и злом будущим как залогом неминуемой гибели его детей.

Ночная душа во власти надчеловеческого, сверхфизического первоначала — сурового, беспощадного к людям Рока. Она его антропологическая ипостась, вобравшая в себя его темную, мстительную силу. Человеческие деяния, рожденные ее повелениями, несут в себе глубокие метафизические смыслы, которые безмерно шире их очевидных воплощений. Дневному, рассудочному сознанию не под силу постичь эти смыслы. И трагическая участь Эдипа — классическое тому доказательство.

Как «человекоорудие» Рока, ночной Эдип предназначен осуществить возмездие и покарать нечестивого Лая за его давнее преступление, в результате которого растленный им малолетний Хрисипп покончил с собой. Рок при этом не слеп и его карающая суровость имеет оправдание. Ему изначально не свойственно подталкивать человека к недопустимому. Он перехватывает инициативу лишь в тех слу-

чаях, когда преступление уже совершено и необходимо возмездие. При этом особенность действий Рока состоит в том, что он способен избрать средством воздаяния за преступление тоже преступление, приравняв его к каленому железу, выжигающему скверну. Он действует даже не по принципу талиона, требующему око за око, жизнь за жизнь, а в соответствии с еще более суровой моделью возмездия, когда наказание значительно превышает масштабы преступления. В ситуации с Лаем самым страшным оказывается то, что казнить нечестивца должен будет его родной сын.¹⁸

Дневная душа Эдипа

Дневная душа Эдипа, в отличие от ночной, отчетливо сознает свою погруженность в социальный мир настоящего и чувствует себя в нем как дома. Она требует, чтобы Эдип чтил законы этого мира и был покорен аполлоническому духу порядка и гармонии. Ей присущи внутренняя упорядоченность и стройность. Для нее непреложны общепринятые иерархии норм и ценностей, с которыми она соотносит свои интересы и желания. Все аморальное и преступное вызывает у нее неприятие. Дневной Эдип — это мудрый правитель, блюститель законов, которого в Фивах называли спасителем и лучшим среди смертных.

Но здравая осмотрительность, разумность и законопослушность дневной души не мешают ей быть близорукой, а временами и просто незрячей. Она способна, казалось бы,

---

¹⁸ Достоевский воспроизведет эту архаическую модель возмездия в «Братьях Карамазовых», где побочный сын Федора Павловича Карамазова, Смердяков столь же бессознательно, как и Эдип, отомстит нечестивцу-наильнику за надругательство над его матерью Лизаветой. См. об этом ниже, в главе «“Человек-орудие” как метафизический тип».

различать прошлое, настоящее и будущее, но ее взор не проникает в истинные смыслы и связи, соединяющие события между собой. Поэтому прошлое и будущее для нее фактически разъяты. Ей лишь кажется, что она прозорлива, свободна и знает, чего хочет. Жизненный путь представляется ей ветвящимся древом альтернатив, и она деловито пытается осуществлять избирательные предпочтения, которые представляются ей разумными. Но при этом она и не подозревает, что инициатива уже давно перехвачена, что все уже предрешено, что ключевые, судьбоносные события успели произойти и с неумолимой силой невидимого закона влекут Эдипа по злополучной стезе. Его трансгрессивной натуры, отважного характера, упорства, готовности брать на себя всю полноту ответственности и идти навстречу опасности недостаточно для того, чтобы вырваться из гераклитовского потока, несущего его. Дневная душа Эдипа не подозревает о том, что есть темные силы, над которыми он не властен. Его воля не свободна. Она изначально пленена не зависящими от нее обстоятельствами. Ей оставлен жалкий удел выступить в роли последней исполнительной инстанции, осуществляющей высшее предустановление. И Эдип, полагающий будто ему удалось оторвать будущее от прошлого и переставший тревожиться из-за давнего пророчества, движется, ничего не подозревая, навстречу гибельной неизбежности.

Знать или не знать — вот в чем вопрос?

Но именно этого-то вопроса, который мог бы задать шекспировский Гамлет, для Эдипа не существует. Как трансгрессивная личность, он устремлен к знанию, жаждет заполучить его любой ценой. В разгадывании загадок и тайн он видит собственное предназначение. Не случайно

одним из первых поворотных пунктов на его жизненном пути стала разгадка загадки Сфинкса, подарившая ему в итоге царский трон в Фивах.

Но трагический парадокс судьбы Эдипа состоял в том, что каждый победный шаг неизменно оказывался отмечен печатью преступления. В итоге все свершившееся породило неумолимую логику *узнавания* иной, скрытой от непосредственно-чувственного созерцания реальности. И чем больше накапливалось знаний об истинном положении дел, тем невыносимее становились нравственные страдания. Подобно ветхозаветному Екклезиасту, Эдип мог бы в конечном счете сказать: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Столь же близка этому умонастроению мысль Эсхила о том, что лучше быть несведущим, чем мудрым.

Сладостное неведение, конечно же, возможно. Безмятежность ни во что не посвященного духа вполне допустима. Но в таком случае человек должен отказаться от права быть самим собой. Для Эдипа, чей характер являет собой классическое воплощение трансгрессивности, этот путь не приемлем. В альтернативе «знать или не знать» он признает только одну из возможностей — знать. И потому он не внемлет глухим предостережениям провидца Тиресия: «О знанье, знанье! Тяжкая обуза, когда во вред ты знающим дано!» Главное желание Эдипа — знать все.

Но беда Эдипа в том, что это стремление пробуждается в нем слишком поздно, когда все страшное и непоправимое уже совершилось. Если бы этот мощный познавательный интерес обнаружился в ранней юности и сопутствовал ему на протяжении всей жизни, он не был бы столь опрометчив в своих поступках. Скорее всего, он поостерегся бы, зная о пророчестве, поднимать руку на любого мужчину, годящегося ему в отцы. И он, конечно же, наверняка не

женился бы на женщине, которая по возрасту годилась ему в матери. Ведь, как он сам позднее признается, для него перед этим уже прозвучали грозные слова дельфийского оракула о том,

Что с матерью преступное общенье
Мне предстоит, что с ней детей рожу я
На отвращенье смертным племенам,
И что я кровь пролью отца родного...¹⁹

Но Эдип — человек особого склада. Необычайная острота ума и сила духа просыпаются в нем лишь в критические моменты жизни. Во все остальное время он обычен, зауряден, недальновиден. Свидетельством тому служит то, как легко и необоснованно он зачисляет в преступники старца Тиресия и родственника Креонта.

Характерно, что Софокл изображает Эдипа именно в экстремальные моменты его жизни. Его герой, понявший, что приближение к истине, обретение знания о содеянном чревато для него не просто печалью, а сверхчеловеческим страданием, не сворачивает с пути и выпивает до дна чашу с ядом страшного знания о себе. Его трансгрессивность проявляется в том, с какой неукротимой силой он рвется вперед сквозь завесу страхов, иллюзий, обманов и тайн. Но преодолевая один рубеж за другим, он все глубже проваливается в бездну открывающегося ужаса.

Коварство трансгрессии

На примере судьбы Эдипа греческое культурное сознание обнаруживает и очерчивает контуры роковой двойственности, опасной, коварной противоречивости феномена трансгрессивности. Это коварство проявляется в том, что

---

¹⁹ Софокл. Драмы. М., 1990. С. 32.

человек, будучи в своих деятельностных и познавательных способностях далек от совершенства, при своей устремленности к одним целям часто приходит к совсем другим. Подобное случается из-за неполноты и неточности имеющихся в его распоряжении знаний, из-за склонности принимать видимое за действительное, из-за стремления действовать излишне прямолинейно и энергично там, где необходима вдумчивая осмотрительность. В итоге часто оказывается, что считающий себя зрячим человек, на самом деле ведет себя как слепец. Именно это имел в виду Тиресий, обращаясь к Эдипу:

О да, ты зряч, — а зол своих не видишь,
Ни где живешь, ни с кем живешь — не чуешь!
Ты знаешь ли родителей своих?
Ты знаешь ли, что стал врагом их злейшим...²⁰

Провидец Тиресий предостерегает Эдипа и ратует за спасительное незнание. Он понимает, что есть вещи, о которых простым смертным лучше не знать, что рвение к знанию в таких случаях равносильно самоубийству. По словам Тиресия, неукротимому Эдипу готовит гибель сам Аполлон. Стоящий на страже порядка и закона, бог света непременно должен будет вмешаться и покарать нечестивца.

Софокл — не философ, а художник, поэт, драматург. Поэтому проблему права человека, как на вдохновляющую истину, так и на утешительный самообман, он решает не посредством утонченной логической аргументации, а на мифопоэтическом материале. Если же говорить точнее, то таким материалом для Софокла служит криминально-метафизическая коллизия необычайной остроты и сложности. Драматург обращается не к заурядному преступлению,

---

²⁰ Там же. С. 18.

а к его предельной форме, ледящей кровь цивилизованного человека.

В социальном контексте драмы Софокл заставляет Эдипа вести расследование, имеющее для того не отвлеченно-метафизический, а вполне житейский характер. Как монарх, он обязан восстановить в государстве нарушенный порядок. Но происходит нечто неожиданное: обретенное знание оборачивается для правителя экзистенциальной катастрофой, ибо виновником всех беспорядков и бед оказывается он сам.

Эдип, не вчера и не позавчера совершивший свои преступления, спокойно существовал многие годы. Он жил и правил государством, неся в себе отрицательный опыт отцеубийства и инцеста, который был бессознательным опытом, не достигавшим его самосознания и не ставшим достоянием его индивидуального «я». Теперь же обретенное знание, открывшаяся истина превратили этот темный опыт в прямое достояние его чувствующего и мыслящего «я», позволили ему целиком заполнить внутреннее пространство этого «я». В результате с эдиповым «я» произошла разительная метаморфоза: на глазах у сограждан оно превратилось в нечто напоминающее смертельно раненное, почти раздавленное обрушившейся на него гигантской тяжестью открывшегося, судорожно агонизирующее существо, еще живое, но уже практически уничтоженное.

На глазах зрителей происходит нечто крайне неоднозначное: Эдип одновременно и гибнет и рождается. Наконец-то в полной мере пробуждается его самосознание, а с ним до ужаса ясное и отчетливое понимание того, кто он есть. Истина обретена. Но сорванный с древа познания плод оказался напоен смертельным ядом. Свет самосознания, освободившегося от заблуждений и иллюзий оказался сродни блеску разящей, пронзающей насквозь молнии.

Обычному человеку устоять и сохранить зрение в ее испепеляющем сиянии невозможно. И символом этого грозного финала становится ослепление Эдипом самого себя:

Эдип срывает пряжку золотую,
Что на плече ей стягивала ризу,
И, вверх поднявши острую иглу,
Ее в очей зеницы погружает.
«Вот вам! Вот вам! Не видеть вам отныне
Тех ужасов, что вынес я, — и тех,
Что сам свершил...»²¹

У Эдипа хватило силы духа совершить над собою суд. У него хватило мужества не покончить с собой, как это сделала его мать и жена Иокаста. Он еще в состоянии удерживать на плечах непосильную ношу открывшегося знания. Но это уже не прежний, уверенный в своих силах монарх, крепко держащий узды правления государством, а беспомощный старик, раздавленный совершившимся, отторгнутый от остального мира своими преступлениями и слепотой. Все, чем еще недавно царь Эдип грозил преступнику, если тот будет найден, он обрушил на себя — отлучение от сограждан, проклятие, лишение крова, изгнание из города.

Гегель в «Феноменологии духа» напишет, что трагедия Эдипа обусловлена тем, что действительность «содержит внутри себя в скрытом виде другую, чуждую знанию сторону, и показывает себя сознанию не такой, какова она в себе и для себя, — сыну не показывает, что его оскорбитель, которого он убивает, — его отец; не показывает, что царица, которую он берет в жены, — его мать. Нравственное самосознание, таким образом, подстерегается некой силой, которая боится света и выступает на сцену лишь

---

²¹ Там же. С. 50–51.

тогда, когда действие совершено, и тогда застигает это самосознание на месте действия; ибо совершенное действие есть снятая противоположность знающей самости и противостоящей ей действительности. То, что совершает поступки, не может отрицать преступления и своей вины; действие в том и состоит, что оно приводит в движение неподвижное и вызывает наружу то, что скрыто в возможности, и таким образом соединяет неосознанное с осознанным, не обладающее бытием — с бытием».²²

Согласно Гегелю, принципы естественного права в виде существующих абсолютных запретов на оскорбление родителей, убийство кровных родственников и инцест до поры до времени «скрываются в засаде». Человек, не ведая истинного положения дел, провоцируется внешними обстоятельствами на поругание святынь вопреки всему строю его собственного нравственного сознания. И в итоге он, несмотря на его субъективную добродетельность, должен быть наказан.

Бессознательный преступник

Для того, чтобы вырваться из гераклитовского потока, несущего его, Эдипу недостаточно ни его трансгрессивной природы и отважного характера, ни ясного ума и упорства в достижении поставленных целей, ни готовности брать на себя всю полноту ответственности и прямо идти навстречу опасностям. Его честная, но крайне близорукая дневная душа не подозревает, что между прошлым и будущим уже существует роковая связь, над которой человек не властен. Дневная душа не в состоянии преградить путь злу из-за того, что суть вещей, коренящаяся в онтологических зави-

---

²² Гегель Г.В. Феноменология духа. Соч. Т. IV. М., 1959. С. 251.

симостях между прошлым и будущим, скрыта от нее непроницаемой завесой.

Раздвоенность Эдипа столь разительна, а обе его души столь слабо сообщаются друг с другом, что есть основания говорить о двух разных Эдипах — ночном и дневном.

Ночной Эдип — это «человек ниоткуда», чужой для всех, ибо он явился оттуда, где нет времени, где его некому, нечем и незачем измерять. Там нет ни добра, ни справедливости, ни подвигов, ни преступлений. И это накладывает совершенно особую печать на все события его жизни.

Эдип — чужак для Коринфа, куда его забросила судьба и где прошли его детство и юность. Он — «найденый» для приемных родителей, Полиба и Мeroпы, которые там правили. Он — пришелец и для родных Фив, где когда-то родился, но теперь предстал перед своими согражданами чужеземцем. Он оказался чужим и для своего отца Лая и матери Иокасты в силу того, что учинил над ними. Даже двойное кровное родство с собственными детьми Антигоной, Исменой, Этеоклом и Полиником, родившимися от его брака с собственной матерью, сделало его не ближе им, а, напротив, отдалило от них, обозначив страшную черту недолжного, запретного, через которую он, сам того не ведая, переступил.

Но эта многогранная и, по сути, тотальная чуждость Эдипа окружающему его миру была скрыта до поры до времени от всех, в том числе и от него самого, и в первую очередь от его недальновидной дневной души.

Временами возникает впечатление, будто трансгрессивная натура Эдипа, его характер, воля, интеллект намеренно вели его навстречу роковым событиям. Он в столь полной мере использовал все, чем располагал, для реализации пророчества, что кажется, будто намеренно творил свою личную трагедию.

Внутренние качества Эдипа и совершаемые им поступки таким образом накладывались на скрытую от всех, но уже существующую канву предсказаний, что оказывалось крайне трудно определить в том, что с ним случилось, истинное соотношение его *беды* и *вины*.

Общеизвестно, что вина преступника предполагает наличие в его действиях свободной воли, а с ней и способности распоряжаться своей свободой таким образом, что ее проявления могут выходить за пределы норм морали и права. Вина также предполагает наличие осознанного криминального мотива как важной субъективной предпосылки преступных действий.

Если говорить об Эдипе и опираться на совершенно неопровержимые факты, свидетельствующие о том, что именно *он*, а не кто-то иной убил Лая и женился на Иокасте, то следует признать в нем преступника. Но если учитывать, что субъективно, мотивационно Эдип никоим образом не был склонен и не стремился не к отцеубийству, не к инцесту, и что, будь на то его воля, никогда бы не пошел на нарушение божественных и человеческих законов, то его невозможно считать обычным преступником в полном смысле этого слова.

Возникает антиномия, где сталкиваются два противоположных утверждения: «Эдип — преступник. — Эдип — не преступник». Выходом из этого оценочного лабиринта может служить определение, которое нашел Эдипу Вольтер, назвавший царя *бессознательным преступником*. Не ведавший того, что творил, переживший внутреннюю драму открытия сути содеянного им, прошедший путь от объективно, метафизически обусловленного состояния сверхличной *беды* к субъективному состоянию осознанной личной *вины*, Эдип предстает воистину как трагическая лич-

ность, чья жизнь оказалась во власти не столько естественной причинности, сколько метафизической судьбы.

Все, что с ним происходило, совершалось как бы в двух измерениях. С одной стороны, это была логика обычного физического существования и типичной для людей социальной самореализации. И здесь действовал принцип каузальности, предполагавший, что у каждого события непременно имеются явные причины и что происходящее с человеком встроено в цепь причинно-следственных зависимостей. Жизнь Эдипа, протекавшая в физическом времени и социальном пространстве, на виду у множества людей, не несла в себе ничего такого, что был бы не в силах понять человеческий рассудок.

Иное дело принцип судьбы. Здесь действовала уже иная логика, не совпадавшая с логикой естественной каузальности. Скрытая от созерцания и умозрения, не доступная рассудку и разуму, логика судьбы предстает в ореоле тайны. Она не открывает человеку того, что привело его в мир, каково его действительное предназначение и каким будут последствия всех его духовных и практических усилий, действий и поступков.

Дневная душа Эдипа даже и не подозревала, что ее обладатель вовлечен в еще один, кроме очевидного, поток событий. Она не ведала, что за каждым явным смыслом его поступков крылись совершенно иные смыслы. Дневная душа, лишенная метафизического зрения и слуха, не слышала угрожающего гула Рока над головой Эдипа, когда он убивал мужчину, годящегося ему в отцы, и вступал в брак с вдовой, годящейся ему в матери. Если Эдип в чем-то и виновен, то, конечно, в том, что его дневная душа была недостаточно чутка к реальности, а сам он был недостаточно осмотрителен в своих поступках.

Подоплека трагедии состояла в том, что Эдип, полагавший себя совершенно свободным, на самом деле имел свободы в своих действиях меньше, чем закованный в цепи раб. Вся инициатива находилась в распоряжении Рока, а Эдип был лишь его орудием. Беспомощный перед непроницаемым для него сверхфизическим миром тайны, Эдип до поры до времени не ощущал своего бессилия, своего рабского состояния, не сознавал своей несвободы. «Эдип уже спит со своей матерью и уже убил своего отца, хотя не знает об этом. Но истина уже установилась. Только собрать ее трудно. Почему? А потому, что существует топология. Она может располагаться в доступных или в недоступных для тебя местах, и нужно пройти эти места — они не видны. Ведь Эдип видит женщину, с которой спит. Она — его мать, но он не видит ее как мать, он видит жену. Или — он видит путника, которого убивает. Но кто-то ведь знает истину. Ведь был акт рождения Эдипа. Как ни парадоксально, акт нашего рождения есть то, что мы тоже совершаем. И Эдип совершил этот акт: в мире уже есть мать и отец. Эдип движется в этом мире, встречается с отцом, встречается с матерью. И все мы — подумайте о себе — в каждый данный момент в силу того, что мы что-то совершаем, сознательно или бессознательно, намеренно или ненамеренно, давно или сейчас, — мы уже представлены вне нас в миллионах осколков зеркала нас самих, и это зеркало или осколки мы должны собрать, а можем и не собрать. Но собрать — очень важно для нас, потому что все-таки существенно, что ты спишь со своей матерью, не зная этого. Ведь что-то от этого с тобой произойдет. Это безнаказанно не пройдет. Греки считали, что иногда путь просветления можно уподобить пути ослепления. Потому что своими материальными глазами Эдип видел женщину, и только духовным взглядом, построив этот взгляд, можно

увидеть, что на самом деле она — твоя мать, а не женщина, с которой можно спать. Но тогда глаза тебе не нужны, тем более, что они тебя обманывали и, как вы помните, Эдип ослепляет себя».²³

Страшно человеку обнаружить в себе ночную душу, влекущую его к недозволенному, запретному, преступному. Страшно ему услышать ее властный зов и почувствовать свое бессилие перед ним. Но еще страшнее существовать, ничего не подозревая о темном чудовище, живущем в собственном подполье, ибо это означает быть безоружным, совершенно незащитным перед ним.

Присутствие двух душ в одном теле превратило Эдипа в прямое подобие Сфинкса. Сам того не ведая, он принял эстафету от погубленного им человекозверя и стал загадкой для всех и даже для самого себя. Это неведение длилось до тех пор, пока его дневная душа, стоящая на страже добродетели и закона, не обнаружила по соседству с собой, в той же телесной оболочке преступную ночную душу.

Совместить дневную душу, чтящую светлого Аполлона, оберегающую порядок и закон, с ночной душой, которая в своем дионисийном бесчестии не признавала священных границ, для Эдипа было невозможно и, вместе с тем, необходимо. Истинные масштабы его личности проявились тогда, когда он нашел в себе духовные силы и мужество, чтобы соединить несоединимое. И тут оказалось, что хотя совместить это можно, но жить с этим сдвоенным опытом законопослушания и преступления нельзя, как невозможно видеть выражения окружающих тебя лиц. И расправа над собственными глазами и уход от всех в изгнание отрезают Эдипа в финале от остального мира.

---

²³ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995. С. 37–38.

Совершенно очевидно, что честного и благородного Эдипа с его добродетельным дневным сознанием никакая сила не смогла бы заставить пойти на отцеубийство и инцест. Поэтому Рок, чтобы осуществить свой замысел и использовать Эдипа как «человекоорудие» возмездия, ввел в действие ночную душу и одновременно подменил мотивы. В результате Эдип, полагавший, что его действия вполне правомерны, на самом деле совершал недопустимое. У его поступков возникла тайная изнанка, скрытая от всех, в том числе и от него самого. Воистину он не ведал, что творил. К его отношениям с Роком оказалась приложима античная формула власти и подчинения: «Один разумно движет, оставаясь неподвижным, другой разумно движется, оставаясь неразумным». Ее метафизическое прочтение позволяет увидеть в первой силе Рок, а во второй — исполнителя Эдипа, который хотя и «разумно двигался», но, по существу, оставался неразумным.

Пробуждение духа

Эдип, по сути дела, большую часть своей жизни был человеком без самосознания, без духа. Его «сверх-я» спало и пробудилось в нем лишь тогда, когда он смог мысленно совместить два ряда событий — линию жизни и линию судьбы, т. е. когда он отчетливо осознал, кто он есть на самом деле и что совершил. Воссоединив разорванные связи времен и событий, Эдип обнаружил, что виновен в страшных преступлениях. Стена незнания и непонимания, отгораживавшая его от истины, обрушилась. Прошлые с былыми грехами предков и его собственными преступлениями соединилось в его сознании с тем, что Эдип считал несбывшимся будущим. Это воссоединение осуществил дух Эдипа, пробудившийся в чрезвычайных обстоятельст-

вах обрушившихся на Фивы бедствий. Произошло то, о чем Платон говорил: «Рождается душа, сама себя понимающая».

Дух Эдипа, в отличие от его ночной и дневной души, оказался единственной ипостасью его существа, способной прозревать скрытые смыслы бытия и обнаруживать связи, тянувшиеся в настоящее с двух сторон — канувшего в Лету прошлого и вероятного будущего. Только ему оказалось под силу воссоединить разъятые времена.

Дух заставил Эдипа пренебречь доводами охранительного благоразумия и побудил переступить черту, за которой пряталась пугающая тайна его судьбы. Но, к сожалению, и дух оказался бессилён перед неумолимым Роком. Открытие произошло слишком поздно, когда было уже невозможно что-либо исправить.

Ницше как-то заметил, что Эдип — это одна из масок Диониса. Данное утверждение не совсем точно. Не весь Эдип, а только его ночная душа предстает ипостасью дионисийства, заставившей его переступить через нормы нравственности и нарушить божественные законы, требующие чтить отца и мать.

Жизненная драма Эдипа приподымает завесу, за которой обнаруживается иной мир. Она доказывает, что метафизическая реальность действительно существует. Она же позволяет убедиться в том, что эта реальность весьма успешно прячется от человека и что в распоряжении людей имеются лишь крайне скудные возможности судить о ней лишь по обнаружившимся следствиям. Что же касается причин, то они скрыты и позволяют лишь строить предположения об их истинном состоянии. Человеку может казаться, что его поступки полностью зависят от его желаний и воли, что он *сам* принимает решения и *сам* выбирает направления приложения своих сил. Но время от времени

он неожиданно для себя с устрашающей отчетливостью обнаруживает, что он не хозяин своей жизни, а всего лишь кукла-марионетка, находящаяся во власти неких запредельных сил.

Реальность всегда способна обнаружить свой второй, тайный и устрашающий лик. На содеянном могут проступить признаки преступного попирания первооснов бытия. И тогда человек вдруг с ужасом осознает, что он и не подозревал о главной опасности, подстерегавшей его.

Эдип — Герострат

Пытаясь приблизиться к пониманию истоков экзистенциальной трагедии таких людей, как Эдип, попробуем вообразить антисофокловскую ситуацию. Представим себе, будто перед нами человек, являющийся в одном лице и юным Эдипом, и его ровесником Геростратом, обуреваемым неукротимой жадой славы, желающим добыть ее во что бы то ни стало, пусть даже ценой преступления. Представим также, что этот юноша знает об уготованной ему судьбе, но пророчество не пугает его. Он, конечно, мог бы сопротивляться, искать способы уклониться от ударов судьбы, но подобное поведение представляется ему проявлением трусости. Зачем пытаться избежать предначертанной участи? Ведь судьба сама дает ему в руки ключ к вечности, к тому, чтобы навсегда остаться в памяти будущих поколений. И не надо поджигать храм Артемиды, губить одно из семи чудес света. Достаточно лишь погрузиться в поток событий и плыть вместе с ним, не слишком вдумываясь в суть происходящего с тобой. Надо лишь не искать тайных, скрытых смыслов повседневности и не пытаться проникнуть сквозь завесу очевидности. Не беда, что при этом будут вершиться чудовищные, ни с чем не соизмери-

мые преступления. Этого требует Рок и необходимо подчиниться его требованиям. А это значит, что он *обязан* убить отца и разделить ложе с матерью. И к чему бунтовать? Ведь это верный путь в бессмертие! Кто в будущем вспомнит боязливового, законопослушного Эдипа, жившего когда-то в Коринфе, затем царствовавшего в Фивах и ничем особым себя не прославившего? Сколько их было, разных правителей, чьи имена истерлись из памяти потомков? Но его имя пребудет в веках! Оно будет вызывать оторопь и ужас у бесчисленных поколений до тех пор, пока будет стоять мир. Ему, Эдипу — Герострату, отцеубийце и кровосмесителю, сыну и мужу своей матери, отцу и брату своих детей, презревшему божеские и человеческие законы, не суждено забвение. Он обречен на вечную память. И не важно, что у нее окажутся темные крылья и пугающе сумрачная тень. Тем прочнее она будет.

Спрашивается, мог ли Эдип рассуждать подобным образом? Не беспочвенна ли эта фантазия о сдвоенном образе Эдипа–Герострата?

Если иметь в виду только дневного Эдипа, почитавшего светносного Аполлона, наделенного добродетелями и ясным умом, разгадавшего загадку Сфинкса и мудро правящего Фивами, то, разумеется, он не мог так думать.

Но не следует забывать, что внутри той же человеческой оболочки существовал еще и другой, ночной Эдип со своей ночной душой, которая не ведала никаких нравственных преград и не чтит законов. Вот она-то и могла произнести этот воображаемый монолог.

Смысл трагедии Эдипа гораздо глубже ее сугубо криминального содержания. Это экзистенциальная трагедия человека, раздвоенного на эмпирического индивида и метафизическую личность. Ее суть в том, что человек приходит в мир, исполненный трансгрессивной энергии и уве-

ренный в своем праве действовать сообразно своим притязаниям, нимало при этом не заботясь о том, что они могут идти вразрез с предустановлениями мирового законопорядка. Если он достаточно чуток к требованиям божественного Логоса, ему не грозит экзистенциальная катастрофа. Но если он ведет себя иначе и его поступки оказываются преступлениями, ему не спастись. Из-за лика светлого Логоса не замедлит выдвинуться зловещая личина карающего Рока, и нагрянет возмездие.